

Л. Д. Бондарь, А. В. Зорин, И. В. Тункина
Санкт-Петербург, Россия

«Megaera Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта¹

Личность Даниэля Готлиба Мессершмидта (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) — немецкого врача на русской службе, совершившего в 1719–1727 гг. по заданию Петра I первое научное путешествие в Сибирь, — в последнее время привлекает все большее внимание исследователей. Вскоре после завершения сибирского путешествия имя Д. Г. Мессершмидта было фактически забыто в связи с тем, что богатейшие и имевшие стратегическое значение материалы и коллекции, самым добросовестным образом собранные им в Сибири, были арестованы и оказались переданы из Аптекарской канцелярии в Академию наук, члены которой занялись их изучением и вводом в научный оборот. Документальное наследие Д. Г. Мессершмидта сегодня собрано в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Вопрос о публикации экспедиционных материалов начал подниматься в Академии наук еще при жизни Д. Г. Мессершмидта, к этой теме периодически возвращались на протяжении XVIII–XIX вв., однако последовательное введение в научный оборот материалов немецкого исследователя стало осуществляться, по сути, лишь во второй половине XX в.² Это дало возможность обратить внимание на архивное наследие немецкого путешественника с позиций истории развития научного знания в Российской империи; появились работы, авторы которых убедительно доказали фактическое первенство Д. Г. Мессершмидта в формировании отдельных научных направлений. В 1913 г. имя Д. Г. Мессершмидта прозвучало в качестве исследователя сибирской флоры [11, с. 77–79]; за по-

---

¹ Исследование И. В. Тункиной проведено при финансовой поддержке гранта Отделения общественных и гуманитарных наук РФФИ, проект № 16-01-00231/16.

² Историю изучения и введения в научный оборот документального наследия Д. Г. Мессершмидта см. в трудах И. В. Тункиной и Д. Г. Савинова [19; 20, с. 55–66].

следние два года были опубликованы работы, доказавшие первенство немецкого исследователя и в других научных направлениях: зоологии [4], сибирской археологии [20], изучении языков сибирских народов [12]. Врач по образованию и профессиональной специализации, Д. Г. Мессершмидт в Сибири должен был освоить новые для него виды научной деятельности. Изначально ориентированный Аптекарской канцелярией на сбор «всяких раритетов и аптекарских вещей», врач из Данцига проводил наблюдения и исследования в области метеорологии, земного магнетизма, картографии, минералогии, зоологии, ботаники, эпидемиологии, археологии, этнографии и языковедения сибирских народов, занялся собиранием и копированием редких книг, рукописей и карт [10].

Одним из важных видов деятельности Д. Г. Мессершмидта в Сибири стало рисование с натуры. Именно рисунок в эпоху Просвещения, до изобретения фотографии и литографии, стал важнейшей составляющей экспедиционных работ XVIII–XIX вв. Визуальная фиксация исследуемых объектов (живой природы, памятников археологии, этнографии и пр.) выполняла роль современной научной фотографии, поэтому в состав любой научной экспедиции непременно входили рисовальщики [8, с. 1067–1073]. Д. Г. Мессершмидт, находясь в Тобольске, стартовом пункте экспедиции, добился включения в свой отряд рисовальщика — молодого немецкого дворянина, уроженца Нарвы Карла Густава Шульмана (*Karl Gustav Schulman*; 1702–1765), который состоял при Д. Г. Мессершмидте лишь с 1 марта 1721 г. по 22 мая 1722 г. «Изобразительный почерк» 20-летнего талантливого самоучки К. Г. Шульмана по его рисункам с изображениями археологических памятников Южной Сибири изучил Д. Г. Савинов: «...это уверенные четкие линии, без штриховки, обозначение контура изображения, передача объема при помощи растушевки, показ изломов камня как бы “рваными”, утончающимися на концах линиями» [20, с. 120].

Получив разрешение вернуться на родину после заключения Ништадтского мира, К. Г. Шульман покинул экспедицию вместе со шведским пленным капитаном Филиппом Иоганном Таббертом фон Страленбергом (*Philipp Iohan Tabbert von Strahlenberg*; 1676–1747)³, который вел дневник экспедиции на ее начальном этапе.

---

³ Рисунки К. Г. Шульмана сохранились среди экспедиционных бумаг, некоторые из них сегодня опубликованы [4, S. 38; 20, табл. I, XIII]. Копии

Место рисовальщика никем заменено не было, поэтому Д. Г. Мессершмидт принял эти обязанности на себя. В путевом дневнике за 28 мая 1722 г. доктор с горечью пишет, что других своих спутников — русских и немецких слуг, повара, денщиков и плотников — он скорее всего не сможет привлечь к научной работе, состоящей по большей части в записях и рисовании [14, л. 144 об.].

Основным документом, указывающим на то, что Д. Г. Мессершмидт взял обязанности рисовальщика на себя, являются его экспедиционные дневники: начиная с июля 1722 г. в нем появляются чертежи и рисунки самого разнообразного характера — этнографические, археологические, остеологические, астрономические и т. д. [Там же, л. 167 сл.]. В дневнике имеются страницы с оставленными пустыми местами, где, очевидно, предполагалось в дальнейшем разместить рисунки или чертежи. Изобразительные материалы, которые можно отнести к самому Д. Г. Мессершмидту, манерой исполнения разительно отличаются от уверенной руки рисунков К. Г. Шульмана. Первоначально они неумелы, схематичны, но с годами становятся все более и более совершенны [20, табл. XIII–XIV]. Изобразительный почерк ученого метко охарактеризовал Д. Г. Савинов: его рисунки «более легкие, как будто первоначально “неуверенные”, без выделенного контура, сделаны тонкими линиями; в них нет темных акцентированных тоном мест, боковые стороны изваяний передаются штриховкой или мелкой косой сеткой... Возможно, что у К. Г. Шульмана был заимствован прием передачи излома каменной плоскости неровной утончающейся линией» [Там же, с. 121]. В дневнике постоянно встречаются упоминания о том, что Д. Г. Мессершмидту самому приходилось рисовать, а ряд описываемых ниже документов позволяют утвердиться в идентификации его графического почерка.

В фонде Д. Г. Мессершмидта в СПбФ АРАН сохранилось архивное дело, озаглавленное как «Лингвистические материалы на отдельных листах» [17]. Оно представляет собой собрание рабочих записей, в основном касающихся письменных систем и языков народов Востока и Сибири⁴. Наименование написано от руки на ла-

---

его экспедиционных рисунков еще в 1730 г. были частично опубликованы Ф. И. Страленбергом [5; см. об этом: 1, S. 255; 7, с. 1271; 20, с. 116–121].

⁴ В архивной описи фонда Д. Г. Мессершмидта в этом деле зафиксировано 175 листов. В это число не включены некоторые пустые листы в доку-

тыни: „Collectanea Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentia“ («Собранная Мессершмидтиана, относящаяся до языков сибирских народов») — и снабжено номером 187. Почерк полностью совпадает с аннотациями, которые встречаются на тибетских материалах в собрании Библиотеки Академии наук конца XVIII в., составленными адъюнктом и почетным членом Академии наук, библиотекарем Иоганном Генрихом (Иваном Фомичем) Буссе (*Johann Heinrich Busse*; 1763–1835) в его рукописном каталоге 1798 г. „Catalogus librorum Sinicorum, Manshuricorum, Japonicorum nec non Mongolicorum, Tibeticoꝝque in Academiae Imperialis Petropolitanae Bibliotheca qui reperiuntur“ («Каталог приобретаемых китайских, маньчжурских, японских, а также монгольских и тибетских книг в Библиотеке Императорской петербургской академии») [13; о каталоге см.: 6]. Совершенно очевидно, что И. Г. Буссе инвентаризировал и эту единицу хранения, однако пока не удалось обнаружить каталог той части академического собрания, к которой она относилась.

Более раннему этапу хранения соответствует небольшой бумажный ярлык с печатным номером 206. Такие специальные номера, отпечатанные в академической типографии, использовались «для нумерации экспонатов в Кунсткамере и книг в Библиотеке» [18, с. 156] в период заведования этими учреждениями Семеном Кирилловичем Котельниковым (1723–1806)⁵.

После образования в составе Императорской Академии наук Азиатского Музея эта единица хранения поступила в его III Отделение (архив). В известной обзорной книге Б. А. Дорна она зафиксирована

ментах тетрадного типа, а в одном случае один номер (123 и 123а) присвоен двум листам в документе из четырех листов, сложенных в виде тетради. Основу папки составляют отдельные страницы, не связанные друг с другом, хотя встречаются и сброшюрованные материалы, и серии листов, не скрепленных друг с другом, но имеющих общее содержание, и листы, сложенные вдвое. У папки имеется своего рода титульный лист, также не включенный в число 175 листов. На нем указаны несколько шифров, по которым можно проследить историю этой единицы хранения.

⁵ В МАЭ РАН (Кунсткамера) на целом ряде вещей сохранились подобные ярлыки, и номера на них точно соответствуют передаточным описям, хранящимся в Архиве МАЭ РАН [9].

под номером 68: „Ein Haufen meist einzelner Blätter mit der Aufschrift des vierten Umschlages: Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentia“ («Пачка по большей части разрозненных листов с надписью на четвертом конверте: Мессершмидтиана, относящаяся до языков сибирских народов») [2, с. 121]. Б. А. Дорн использовал название дела, указанное на титульном листе, где наклеен желтый ярлык Азиатского музея с номером 68, который продублирован ниже красным карандашом. К XX столетию относятся два синих штампа: первый — Института востоковедения АН СССР, основанного в 1930 г. на базе Азиатского музея, второй — Архива АН СССР, в который данная пачка поступила в 1936 г. Очевидно, промежуточный характер носят два номера, написанных от руки: № 53, а (написан грифельным карандашом; он может соответствовать первичной описи, сделанной в первые годы после создания Азиатского музея) и 1101 (написан синим карандашом; скорее всего, в раннее советское время).

Установленная последовательность номеров, к сожалению, не дает нам точного знания о том, кто именно собрал эти документы в одну пачку, хотя очевидно, что произошло это не позднее конца XVIII в. Соответственно, мы не всегда можем быть абсолютно уверены в принадлежности тех или иных листов Д. Г. Мессершмидту, хотя бóльшая их часть, судя по почерку, действительно вышла из-под его пера. Полное описание материалов этого дела — задача будущих исследователей, требующая изысканий специалистов по разным восточным языкам: индийским, тибетскому, монгольскому, ивриту, грузинскому, персидскому и др.

Среди собственно лингвистических материалов в этой пачке оказались и те, что не имеют прямого отношения к языковым занятиям Д. Г. Мессершмидта. В частности, это несколько зарисовок Д. Г. Мессершмидта. В их числе — небольшие наброски картографического характера, похожие по характеру исполнения на подобные чертежи в дневниках [см., например: 15, л. 142 об.]. Один из чертежей выполнен на листе с черновыми заметками, на котором имеется дата — 14 декабря [17, л. 45–45 об.] (рис. 1). Сопоставление этого документа с текстом дневника не оставляет сомнений в том, что перед нами рабочие записи, сделанные в декабре 1723 г., когда Д. Г. Мессершмидт спускался по Лене к Иркутску. Имеется еще четыре картографических наброска [Там же, л. 87 об., 122, 164 об., 171], сделанных на листах, использованных Д. Г. Мессершмидтом дважды: ря-

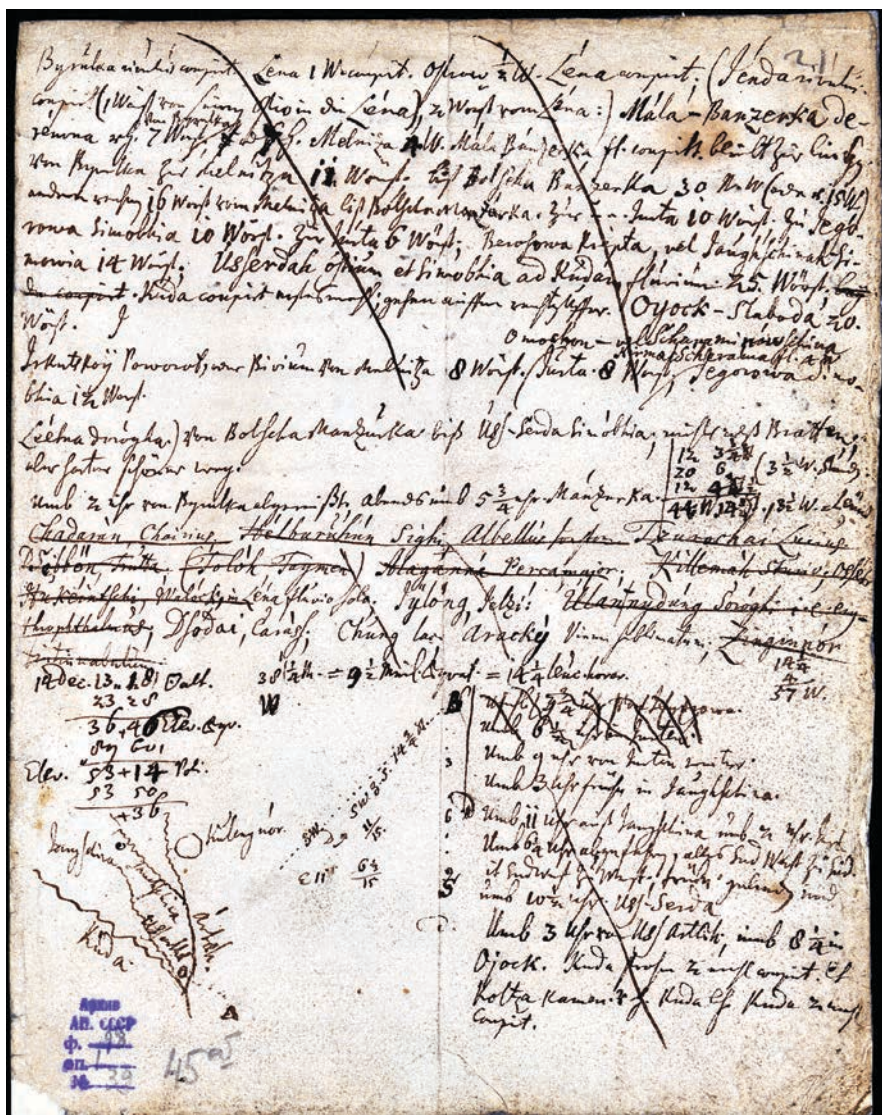
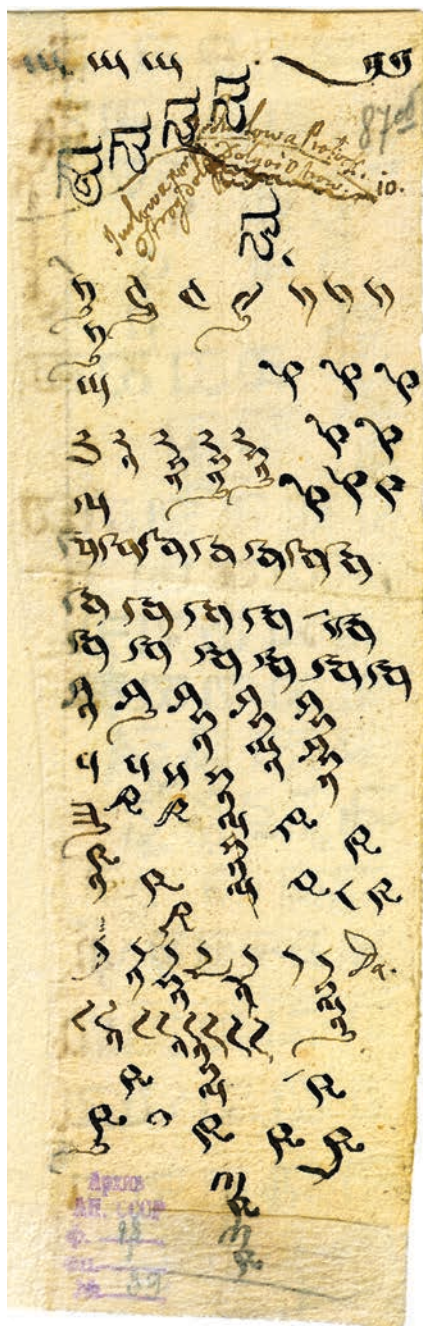

Рис. 1. Черновые записи и картографическая зарисовка Д. Г. Мессершмидта. Тушь. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 45 об.

дом и поверх набросков и сопровождающих их путевых заметок оставлены надписи другого времени лингвистического и иного характера (см., например, рис. 2).

Рис. 2. Лист с упражнениями
в восточном письме
и картографической зарисовкой
Д. Г. Мессершмидта. Тушь.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39.
Л. 87 об.

Среди тех же бумаг имеются четыре простых эскиза. Один из них, выполненный чернилами [Там же, л. 74 об.], изображает группу людей внутри дома с печкой и напоминает сделанный с натуры эскиз либо упражнение в рисовании (рис. 3); это похоже на изображение русской бани, которая, наверняка, потрясала европейских путешественников. На другом листе Д. Г. Мессершмидт, очевидно, тренировался в изображении человеческого уха [Там же, л. 132]⁶. Третья страничка [Там же, л. 74] позволяет сопоставить руку исполнителя этих зарисовок и рисунков в дневнике. Имеющиеся на этом листе карандашные эскизы с изображением человеческих лиц (рис. 4) и рисунок из путевого дневника с изображением каменного изваяния «Усть-Есинская Кыс-Таш» [14, л. 203 об.; опубл.: 20, табл. XIII, 2] определено выполнены одной рукой. На большинстве листов дела с графическими изображения-

⁶ Выполненный чернилами рисунок занимает небольшую часть листа, все остальное — лингвистические заметки.

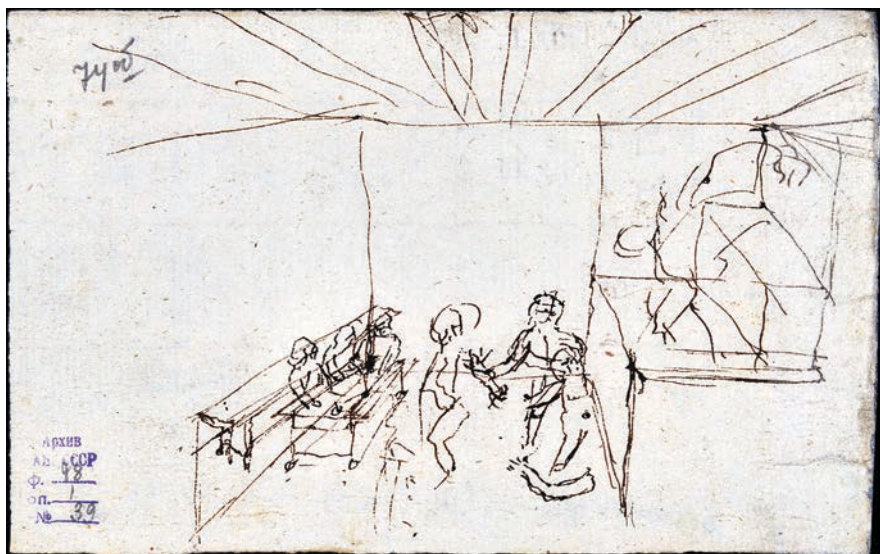

Рис. 3. Зарисовка тушью. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 74 об.

ми представлены упражнения в восточной письменности и каллиграфии [17, л. 74, 87–87 об., 132]. Очевидно, Д. Г. Мессершмидт упражнялся в рисовании на частично использованных им же листах бумаги. На одном из листов с тибетским письмом имеется небольшое двуцветное (черной и красной тушью) изображение солярного знака [Там же, л. 126].

Отдельного внимания заслуживает карандашный рисунок, имеющий более завершенный вид, чем прочие, который идентифицирован авторами статьи осенью 2018 г. [Там же, л. 44 об.] (рис. 5). На рисунке изображена сидящая за столом фигура в долгополой одежде, невысоком головном уборе-платке. Внизу рисунка, также карандашом, засвидетельствовано его авторство: „D. G. Messerschmidt [de]lineav[it]“ («Нарисовал Д. Г. Мессершмидт») ⁷. Аннотация на немецком языке помещена сверху над рисунком: „Megaera Tattar[ica]. A[nno] 1721, d[ie] 1. Martii. Zornige Tattarin in Kameraw“ («Тамар-

⁷ Авторы благодарят главного научного сотрудника СПбФ АРАН д. и. н. Екатерину Юрьевну Басаргину, принявшую участие в прочтении этой трудно различимой подписи.

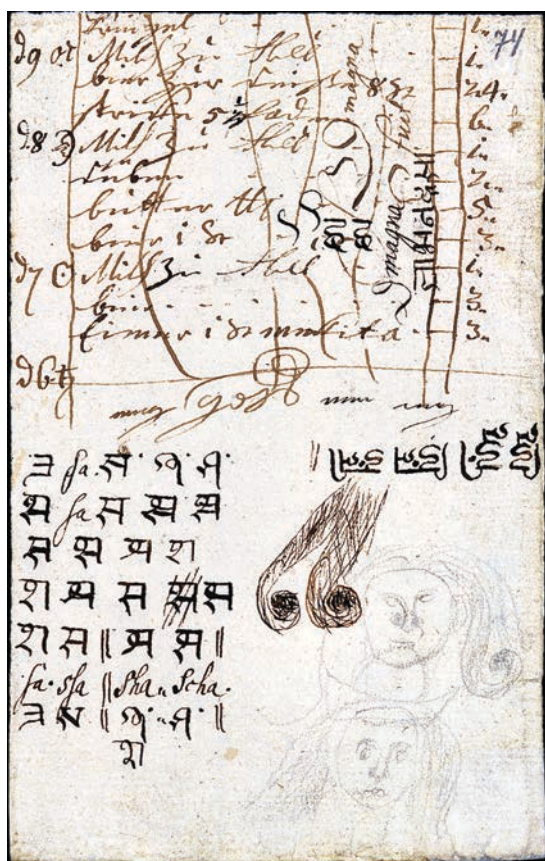

Рис. 4. Черновые записи, упражнения в восточном письме и зарисовки Д. Г. Мессершмидта. Тушь, карандаш.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 74

ская Мегера. 1 марта 1721 г. Свиная татарка в Камерав»⁸). Дата позволила понять, что за «свиная татарка» здесь изображена и почему Д. Г. Мессершмидт собственноручно сделал этот рисунок.

Именно этим числом, 1 марта 1721 г., открывается первый том дошедших до нас дневников Д. Г. Мессершмидта [14, л. 4–4 об.]. В этот день экспедиция по-зимнему холодным утром, в 3 часа ночи, двинулась из Тобольска в направлении Томска, вдоль правого бере-

⁸ «Татарская Мегера. 1 марта 1721 г. Свиная татарка в Камерав».

Рис. 5. «Megera Tattarica». Рисунок Д. Г. Мессеримидта. Карандаш. 1721 г. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 44 об.

га Иртыша вверх по его течению («Мы <...> имели Иртыш по правую руку»). Путешественники прошли около села Ивановка (Kirchdorf Ivanoffka)⁹, оставив его по левую руку, и в 5 утра достигли пер-

⁹ На полях, очевидно позднее, уточнение: „Iwanowska pagus [лат. деревня]“.

вой татарской деревни Саускан¹⁰ (Tatterdorf Sauskahn)¹¹ на левом берегу Иртыша, в излучине, называвшейся Саусканская Лука (Luka Sauskanska). Не задерживаясь здесь долго, подводы пошли дальше, теперь по левому берегу Иртыша («Иртыш слева»), и через 1,5 часа пути, в 7 часов утра прибыли в другую татарскую деревню, названную в дневниках Камерау (Kamerau)¹², или Камаров (Kamarow), расположенную на правом берегу Иртыша, в его излучине, названной в дневниках Иабалатская Лука (Luka Iabalatska)¹³. Речь идет о современной деревне Комарова, находящейся на левом берегу Иртыша практически напротив села Абалак (правый берег). Как сообщает дневник, из этой деревни были видны два больших села (в 20 верстах от Тобольска), названные Преобразенски (Preobrasenski) и Иабалаик (Iabalaik)¹⁴, под которыми имеются в виду современные села Преображенка и Абалак.

Здесь-то и столкнулись Д. Г. Мессершмидт и его спутники с той самой татаркой. В дневнике встреча описана так: «В этой татарской деревне Кумерау была на нашей квартире очень мерзкая старая злая татарка, которая каждому, кто к ней обращался, зло отвечала, за что денщик, Данила [Приезжев], схватил ее за руку и выбросил из комнаты. После того как мы здесь пообедали, мы отправились дальше в 12^{3/4} часа пополудни...».

Настолько колоритной и запоминающейся оказалась встреча со сварливой татаркой, что этот эпизод путешествия был отмечен в дневнике, а ее портретное изображение в виде эскиза появилось в бумагах немецкого путешественника.

Рисунок татарки, обнаруженный среди лингвистических заметок доктора медицины, позволяет понять надпись, оставленную

---

¹⁰ Не существующая ныне, но хорошо известная современным сибирским татарам деревня; название сохранилось в топонимике Тобольского района — Саускановское озеро.

¹¹ На полях помещено уточнение: „Sauskan, pagus Tattarica“.

¹² На полях дневника — „Kamarow — pagus Tattarica“. На следующей странице дневника название деревни дано в другом написании — Kumerau, и на полях уточнение: «Кумерау находится от города в 20 верстах». Такое написание в дневнике, на рисунке, как было указано выше, — „Kameraw“.

¹³ На полях — „Luka Iabalatska Irtisch“.

¹⁴ На полях — „Iabalack pagus“.

Д. Г. Мессершмидтом на полях дневника напротив рассказа о злой татарке. Надпись гласит: „*Megaera Tat[t]arica. Vid[e] icon[em]*“ — «Татарская Мегера. См. рис.» Таким образом героиня первого дня путешествия экспедиции Д. Г. Мессершмидта приобрела визуальный образ.

Источники и литература

1. *Bondar L., Bischoff U.* Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. S. 251–256 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4).

2. *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846.

3. *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Tl. I–V. Berlin, 1962–1977. Tl. 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. 1962.

4. *Smirnov A. V., Ostrovsky A. N.* Die deutschen Wurzeln der russischen Zoologie. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt // Zoologie 2018. Mitteilungen der Deutschen Zoologischen Gesellschaft. 110 Jahresversammlung. Bielefeld. 12.–15. September 2017 / Hrsg. von R. A. Steinbrecht. S. 29–42.

5. *Strahlenberg Ph. J.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Ttarey in sich begreifet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekanntnen Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm, 1730 (Перп.: Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia / Ed. by J. K. Krueger. Szeged, 1975).

6. *Walravens H., Zorin A.* Two Archival Documents on the Tibetan and Mongolian Texts Preserved at the St. Petersburg Academy of Sciences by the End of the 18th Century and Not Included in J. Jährig's Catalogue // Zentralasiatische Studien. 2016. Vol. 45. P. 659–676.

7. *Бондарь Л. Д.* Экспедиции в Сибирь // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского

государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. Изд. 2-е, испр. СПб., 2018. Кн. 2. С. 1267–1282.

8. *Бондарь Л. Д.* Экспедиция А. Я. Купфера. 1828 г. // Там же. С. 1063–1080.

9. *Иванов Д. В.* Буддийские коллекции Кунсткамеры XVIII в. // *Восточная Азия: вещи, история коллекций, тексты.* СПб., 2009. С. 254–276.

10. *Лефельдт В.* Тобольский рапорт Д. Г. Мессершмидта как образец программы ученого по исследованию Сибири // *Миллеровские чтения* — 2018: Преимущество и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: материалы II Международной научной конференции (24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург) / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 387–394.

11. *Липский В. И.* Исторический очерк Санкт-Петербургского ботанического сада (1713–1913). СПб., 1913. (Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования: Юбилейное издание: в 3 ч. / под ред. А. А. Фишера фон Вальдгейма; сост. В. И. Липский. Ч. 1).

12. *Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д.* Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф. И. Страленбергом // *Миллеровские чтения* — 2018... С. 395–427.

13. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2263.

14. Там же. Ф 98. Оп. 1. Д. 1.

15. Там же. Д. 2.

16. Там же. Д. 3.

17. Там же. Д. 39.

18. *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953.

19. *Тункина И. В.* Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI в. // *Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук...* С. 238–250.

20. *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб., 2017. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 6).